

От автора

Всегда считал, что хорошая книга может быть лекарством от всех болезней.

Когда начинал творческий путь — писал фельетоны для одной из казанских газет, детские рассказы для легендарной «Пионерской правды», а потом — сказки-пьесы для театров, всегда думал о тех, кто это прочтет. Хотел, чтобы читатель обязательно улыбался, забывал про свои горести и болезни и становился чуточку добрей.

Два года назад случайно зашел в интернете страничку, где стал выкладывать новые рассказы. Тогда сразу определил для себя, что они должны быть все такими же веселыми, ироничными и обязательно добрыми, как для себя называю — «терапевтическими».

Мои прекрасные читатели (а их уже более шестидесяти тысяч) часто пишут комментарии: «Спасибо, вы сделали мое утро!», «Настроение было ужасное, прочитала вас, и жизнь мне заулыбалась». А однажды было и такое сообщение: «Понял ваш секрет. Вы пишете не про то, как бывает в этой жизни, а как в ней все должно быть».

Мелодия любви

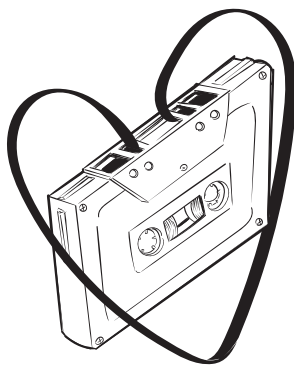
Вот ведь как получается. В наш циничный век люди научились верить в то, что добро обязательно победит зло. А я, напротив, уверен, что добро всеильно. И жизнь каждого человека состоит из тех рассказов, которые он сам про себя пишет — по странице в день. Если захотим, чтобы жизнь наша была доброй, она получится доброй, а не захотим — сами и виноваты. Мы же сами это написали.

Если честно, для меня стало неожиданностью, когда со мной связались из редакции АСТ и предложили издать сборник рассказов. Но, видимо, пришло время, когда в моей жизни, которую тоже сам для себя пишу, должен был появиться вот такой сюжет. Мои рассказы из интернета плавно перетекают в другое пространство и обретают формат настоящей бумажной книги. Это для меня огромная честь.

А что будет дальше? Наверное, зависит от того, понравится она вам или нет.

Мне остается только сказать: «Приятного чтения!»

Надпись на снегу

Первый снежок ровным слоем укрыл все вокруг белым покрывалом, и во дворе, где проживал Семен, сразу стало чисто и непривычно светло.

Он подъехал к своему дому, направил машину к месту, где обычно парковался, уже завернул руль влево, готовясь делать маневр, и вдруг резко затормозил.

Через лобовое стекло увидел, что на его парковочном месте на свежем снегу огромными буквами было что-то размашисто написано.

Не выключая двигатель, вышел из машины, подошел ближе и прочитал: «Маша, я тебя люблю! Твой Костя!»

Семен заулыбался, оглянулся на свой девятиэтажный дом, поднял голову, нашел окна своей квартиры на девятом этаже, затем стал разглядывать окна других квартир, пытаясь представить девушку, которой было адресовано это послание.

— Интересно, эта Маша уже прочитала надпись или еще нет? — вслух спросил самого себя. — Вдруг она еще на работе? Или застряла где-нибудь в институте? А может, она школьница?

Мелодия любви

Сзади раздался короткий сигнал автомобиля, затем кто-то крикнул:

— Сосед, ты чего проезд загородил?

Семен скорее оглянулся и увидел машину, которая всегда парковалась рядом с его машиной. Из ее салона выглядывал удивленный мужчина.

— Ты чего замер?

— Да тут вон на снегу кое-что написано, — пожал плечами Семен и улыбнулся. — Теперь думаю, что мне делать.

— Что там написано? — Мужчина тоже вышел из своего автомобиля, подошел к Семену и устался на послание на снегу.

— И чего? — после паузы спросил он. — Обычное дело.

— Как думаешь, прочитала Маша это письмо или нет? — опять улыбнулся Семен. — Вдруг еще не успела?

— Да тебе-то какое дело? — удивился мужчина. — Ты же из-за этого на ночь машину на дороге не оставишь?

— Нет, конечно, — хмыкнул Семен. — Но подождать можно.

— Чего подождать? — еще больше удивился мужчина.

— Когда надпись видно не станет.

— Ты чего, сосед? — Мужчина презрительно скривил лицо. — Здесь же фонарь висит. Всю ночь видно будет.

— А скоро снег пойдет. Синоптики обещали. Через час должен снегопад повалить. И исчезнет надпись.

— Ну ты даешь. Неужели правда такой?

— Какой — такой?

— Типа романтик.

— Да не в этом дело, — дружелюбно сказал Семен. — Просто и сам точно так же жене в любви признался. Написал послание на снегу. А потом она за меня замуж вышла.

— И что? — Сосед никак не мог понять Семена.

— А вдруг этот Костя тоже своей Маше предложение собрался делать? А я ему помешаю.

— Ну ты точно — того, — У соседа взгляд стал еще более подозрительным. — Как хочешь, но дай мне припарковаться. Ты мне дорогу загородил.

— Да, сейчас, — Семен кивнул. — Сейчас чуть сдам вперед, чтобы ты смог проехать. А потом, когда снег пойдет, уже нормально припаркуюсь.

Сосед сокрушенно замотал головой и непонимающе пожал плечами.

Семен сел в свой автомобиль, сдал немного вперед и влево, стараясь не закрывать буквы на снегу, и заглушил двигатель.

И тут же в кармане раздался звонок.

— Ты чего машину так странно поставил? — спросил голос жены. — Я сверху из окна на тебя смотрю. С машиной что-то случилось?

— А надпись на снегу видишь? — поинтересовался Семен.

— Вижу. Только при чем здесь это? Машину же поставить на место надо.

— Да подождет наша машина. Что вы все — машина, машина. А тут на снегу — любовь. Вот снег скоро пойдет, надпись запорошит, тогда и заеду.

— А соседи ругаться на тебя не будут? — заволновалась жена. — Ты же не один в доме живешь. Вдруг всем мешаешь.

— Да проедут они, успокойся. Лучше скажи, ты не забыла, какие я тебе письма на снегу писал?

— Помню, помню, — засмеялась жена. — Ладно, поднимайся домой. Ужин ставлю греть.

— Ага. Только сначала сбегая в одно место.

— Куда еще?

— Скоро узнаешь.

Семен закрыл машину и пошел со двора в сторону магазина.

Мелодия любви

А через пять минут вошел в квартиру с букетом цветов и, вручая их жене, торжественно произнес:

— Танечка, я люблю тебя! Семен! Помнишь?

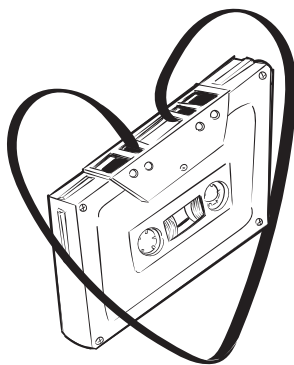
— Надо же, — засмеялась Таня. — Неужели тебя эта надпись на снегу так взбудоражила?

А через час, как и обещали синоптики, опять повалил снег.

Семен с женой стояли, обнявшись, у окна и с грустью наблюдали, как медленно исчезают буквы на снегу.

— Пойду парковаться. Надеюсь, эта Маша скоро станет счастливой. И ее Костя тоже.

Собачье счастье

— Пап, с нашей собакой посидишь пару недель? Мы всей семьей в Турцию собрались, а Булю оставить не с кем. Не брать же ее с собой.

Василий на несколько секунд задумался, и позвонившая дочка ждала. Она понимала, что пенсионеру отцу с собакой одному будет тяжело, но деваться было некуда.

— Ладно, привози, — скрепя сердце пропыхтел отец. — Но только ты же знаешь, я этих домашних собачонок не очень. Глупые они. И у меня ничего для них нет, ни еды, ничего.

— Ой, пап, все привезу! А в нашу Булю, уверена, влюбись.

Уже на следующий день дочь доставила это маленькое странное пятикилограммовое существо породы пти-брабансон, которое прямо с порога бросилось Василию в объятия, тут же всего его облизало и, изо всех сил виляя хвостиком, стало намекать, что с ним будет очень весело. Василий растерялся от такой ласки и не знал, как на нее отвечать.

— Видишь, пап, какая она классная.

Мелодия любви

Дочка выгружала из сумки собачьи вещи — пакет с сухим кормом, одежду, пеленки и даже миски.

— Значит так, кормить будешь ее два раза, утром и вечером, — начала давать наставления. — Гулять утром и перед сном. Днем тоже можно. А если что — пеленка в коридоре пусть будет расстелена, на всякий случай. Она на нее по своим делам сходит. Вдруг проспишь.

— Вот еще. Я в пять уже на ногах.

— Значит, вы с ней поладите. — Дочка поцеловала папу и направилась к порогу.

— погоди, — опомнился отец. — А по Даше собачка скушать не будет? Это же внучкина собака. Ты говорила, что они с ней не разлей вода.

— Ой, пап, — дочка, как всегда, очень торопилась, — все будет нормально.

Она ушла, и у Василия началась совсем другая жизнь, полная странных непривычных забот.

В первый же день собачка неловко спрыгнула с высокого дивана и долго скулила. Василий сгреб ее в охапку и потащил в ветклинику. Там ему сказали, что с собачкой все хорошо, и надавали кучу полезных советов.

Заметив, что Булька неохотно ест сухой корм, Василий стал готовить для собачки «нормальную» еду. Затем нашел площадку, где можно заниматься дрессировкой. Но самое приятное оказалось гулять с собакой в парке. На такую чудную пару все тут же обращали внимание, заводили знакомство, и домой оба — Булька и Василий — возвращались веселыми и жизнерадостными.

Когда новый компаньон уставал, Василий брал его на руки, прижимал к груди, и частый стук маленького сердечка будил в его огрубевшем сердце забытое чувство нежности. В общем, с Булькой ему было очень хорошо. Он чувствовал сумасшедшую любовь к этому маленькому комочку, и это давало стимул к жизни.

Но все когда-нибудь заканчивается. Вот и счастье его в одночасье закончилось — в тот самый миг, когда дочка, зять и Дашенька, отдохнувшие, приехали к нему. Булька бросилась в объятия внучки, и через полчаса его дом опять опустел. Правда, в тот миг, когда гости уходили, собачка вдруг стала отчаянно вырываться из объятий внучки, но усилия ее оказались тщетными.

В тот вечер Василий плакал. Так он плакал, только когда хоронил жену. Усилием воли кое-как взял себя в руки, напился успокоительных капель и стал укладываться спать.

Вдруг раздался телефонный звонок.

— Пап, у тебя все в порядке? Ничего не болит?

— У меня все хорошо, — Голос Василия был непривычно глух.

— Я чего звоню-то. Булька как будто с ума сошла. Стоит у двери и плачет. Вот и подумала, вдруг что с тобой.

— Не рви мне сердце, — простонал Василий, отключил телефон и опять заплакал.

Заснул с трудом. А в пять утра автоматически проснулся и не захотел вставать с постели. Пожалел, что наступило утро. Что вчера не умер.

Кто-то открывал ключом его входную дверь. Наверное, дочка — только у нее от квартиры Василия был свой ключ. Ему стало неприятно, никого не хотел сейчас видеть.

Но вдруг послышался быстрый радостный топот собачьих лап. Булька с визгом взлетела на кровать и лихорадочно, с тонким скулением, стала облизывать ему лицо.

— Пап, — в комнату вошла дочь и сразу же заплакала — то ли от сцены, которую увидела, а может, и от любви к отцу.

— Мы подумали и решили, — дочка утирала слезы рукавом, как будто ей было лет пять, — оставим Бульку тебе. Она ведь так всю ночь и не уснула. И нам спать не дала. Все рвалась из дома. К тебе.

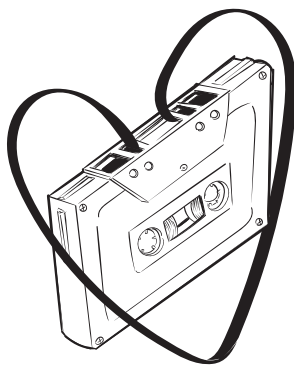
Мелодия любви

— А как же внучка? — Василий прижимал к себе этот теплый комочек и никак не мог поверить счастью. — Это же ее собачка.

— Так это же Дашка и решила тебе Бульку подарить. Она же вся изревелась, глядя, как Булька убивается. Мы ей другую собачку заведем.

А Булька все облизывала Василия и тоже никак не могла поверить в свое собачье счастье.

Соседка справа

В деревню к бабушке Татьяне неожиданно приехал взрослый внук из города.

— Ванечка, как же ты вовремя появился, — запричитала она. — Пора окучивать картошку, а у меня, как на грех, спину схватило, хожу кое-как, не до тяпки. Поможешь?

— Да легко, бабуля, — кивнул Ваня. — Завтра с утра начну, когда прохладно будет.

Внук проснулся, когда шести еще не было. Татьяна приготовила ему яичницу и, пока завтракал, кряхтя, отправилась готовить инструмент. Нашла окучник и понесла на участок с картошкой.

И вдруг справа за низеньким забором увидела пышнотелую пятидесятилетнюю соседку, которая в нижнем белье, согнувшись буквою зю, вручную пропальывала грядки.

— Эй! — испуганно окликнула ее Татьяна. — Ты чего это в одних панталонах в огород вылезла?

— Загораю, — не разгибаясь, ответила та.

— Какой тебе загар в шесть утра? С ума сошла? Ну-ка быстро оденься! — почти в приказном тоне прикрикнула

Мелодия любви

на нее бабушка. — Ишь, телеса свои необъятные рассуполнила.

— Кому какое дело, в чем по огороду хожу? — нагло засмеялась Антонина. — Или ты, баба Таня, меня стесняешься?

— Оденься, говорю! Сейчас внук придет картошку окучивать. А тут ты такая.

— Какая?

— Такая вот! Необъятная и почти в чем мать родила.

— И чего?

— А того. Ему всего двадцать. И неженатый он.

— Ничего, большой уже, — громче засмеялась соседка. — Пущай смотрит, любится.

— Да чем тут любоваться? Наоборот, внук от тебя психическую травму может получить. Потом женщин всю жизнь бояться станет. Уходи, говорю, с огорода!

Хотела Татьяна еще и погрозить соседке тяпкой, подняла руку и застыла. В спину так вступило, аж искры из глаз посыпались.

— Ой... — простонала она, бросила окучник и кое-как поплелась в избу.

— Ваня, там соседка справа по огороду ползает, — предупредила внука. — Ты в ту сторону лучше не смотри. А если и посмотришь, не обращай на ее выходки внимания. Она всегда была нахалкой.

— Да ладно, бабуля, — кивнул добродушно внук. — Не переживай. Пошел работать.

До обеда его не было. И у Татьяны спина так разболелась, что она все это время с дивана не вставала. А когда Иван в двенадцать появился в избе, был он, как ни странно, довольный и веселый.

— Ты чего это такой? — спросила бабушка и стала, то и дело охая, собирать обед. — Разве не устал? Или с соседкой общался?

— Ага, общался.

— Тьфу, — сплюнула сердито. — Нашел с кем разговаривать.

— А чего это ты на нее, бабуля, злишься? — удивился внук. — Она же классная.

— Кто классная? — не поверила ушам Татьяна.

— Соседка.

— Да чем это она классная?

— Всем.

— И фигурой?

— И фигурой.

— Да ты что, Ваня? Она же толстая!

— Где толстая? — засмеялся внук. — Отличная у нее фигура.

— Господи, — перекрестилась бабушка. — Что с людьми нынче делается? А то, что она наглая, ты хоть заметил?

— Да не наглая она, бабушка. Веселая. Кстати, мы с ней вечером договорились погулять куда-нибудь сходить.

— Ты что, Ваня, перегрелся, что ли? — Татьяна застыла и ошарашенно уставилась на внука. — Она же для тебя старая!

— Да почему? Вон, кстати, она по улице пошла. Глянь из окна, бабуля, разве она старая?

— Даже и смотреть на нее не хочу! — обиженно воскликнула Татьяна. — И не вздумай с этой старухой по нашему поселку ходить. Засмеют ведь люди.

— Разве девушка в девятнадцать старуха? — возмутился вдруг Ваня.

— Какие девятнадцать? — только тут Татьяна посмотрела в окно и увидела Людмилу, дочь Антонины. — Так это ты с ней, что ли, в огороде болтал?

— Конечно. Я нашу картошку окучивал, а она свою. Вот мы и познакомились.

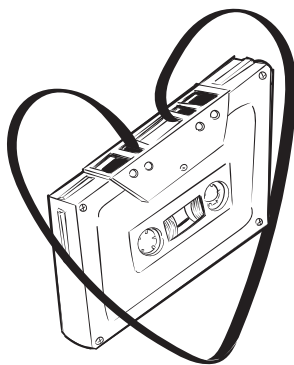
Мелодия любви

— Господи... — перекрестилась Татьяна. — Ох и хитра Антонина. Услышала про тебя и скорее дочку на огород загнала. Догадалась. Ну и ушла.

— Чего? — не понял Ваня.

— Да ничего, ничего, — засмеялась бабушка. — Людмила — девка хорошая. И характером пошла не в мать. С ней можешь гулять, сколько хочешь. А теперь, Ванечка, обедать пора, работничек мой золотой.

Лучшая подруга

Таня лежала в больнице с ребенком уже вторую неделю. Рядом с ней в двухместной палате недавно появилась еще одна мамочка с грудничком, молчаливая и строгая особа, с которой они совсем не общались.

Таня недавно осталась без работы из-за того, что сын постоянно болел. Алименты от мужа приходили мизерные, долг за квартиру рос, на питание хватало кое-как. И теперь она лежала на больничной кровати и с ужасом размышляла, как ей жить дальше.

«Нужно, наверное, Ленке позвонить. Все-таки лучшая подруга. И муж большой начальник, может быть, поможет устроиться на приличную работу», — не успела об этом подумать, как раздался телефонный звонок от этой Лены.

Таня радостно схватила трубку и негромко, чтобы не мешать соседке, воскликнула:

- Лена, привет! Лежу о тебе думаю.
- А я о тебе, — засмеялась лучшая подруга. — Как у тебя дела?
- Как сажа бела. Лежу в больнице с Сашкой.
- Опять?